

21.05.05

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

В “Осеннем марафоне” профессор Билл Хансен переводил Достоевского.

“Хорошо сидим!” — эта фраза Евгения Леонова из фильма “Осени марафон” известна каждому русскому человеку. Она была произнесена с экрана в родной до боли обстановке: кухня 6 кв. м, бутылка и... датский профессор. Имя профессора, конечно, никто не помнит, но то, что он из Дании, — забыть невозможно. Он упорно называл вытрезвитель трезвовителем, бегал по утрам трусцой с героям Олега Басилашвили и вникал в особенности национального “грибоводства”. Немногие знают, что экраный профессор Билл Хансен лишь в фильме датчанин. В жизни Норберт Кухинке, колоритный и волосатый, являлся гражданином ФРГ и никогда не был профессиональным актером. В конце 70-х, когда снимался фильм, он работал корреспондентом журналов “Шпигель” и “Штерн” в Москве.

С ним мы встретились в рабочем кабинете его берлинской квартиры, на полу возле окна которого притаился позолоченный бюст Сталина.

— Вы не думайте, что я поклоняюсь “отцу народов”, здесь я его выставил для отпугивания “домашников”, — весело шутит мой собеседник и предлагает чашку душистого, крепкого чая.

— Господин Кухинке, вы поселились в восточной части Берлина — так тянет на воссток?

— Тянет, потому что я очень тесно связан с востоком. Я работал в Восточной Европе, в СССР и в России. Восточный Берлин я выбрал по ряду причин: здесь находится историческая часть города, а также Пренцлауэрберг — очень живой район, населенный молодыми людьми. Все это сочетается с тем, что всего в каких-то 15–20 минутах езды на машине от нас начинается бересово-хвойный лес с прекрасным озером. Эти места очень напоминают мне Москву и Подмосковье.

— И наверняка, как и ваш герой в “Осеннем марафоне”, вы в этом лесу собираете грибы?

— Нет, по грибы мы ходим в лес — он в часе езды. Это отличный хвойный лес, где растут белые, лисички, моховики. Обычно мы набираем полное лукошко. Я люблю грибы.

— И как вы их готовите?

— Мы жарим их с луком на сливочном масле, а затем смешиваем с рисом и добавляем зелени, базилик и т. д. Получается очень вкусно!

— То есть опыт сбора грибов у вас имеется еще до “Осеннего марафона”...

— Да, я собираю их еще до участия в фильме, вместе с русскими друзьями. Русские — настоящие специалисты-грибники. Они и в Германии лучше всех знают грибные места. Здесь я ходил по грибы вместе с русскими дипломатами...

— Как же вы попали в “Осеннего марафон”?

— Георгий Данелия искал актера на эту роль, просмотрел нескольких, но они ему не понравились. В то же время мой друг Юрий Кушнерев с “Мосфильмом” сказал ему: “У меня есть друг-немец, способный сыграть эту роль”. Данелия решил просмотреть меня. Когда я пришел на “Мосфильм”, он понапацу наблюдал за мной, ничего не подозревавшим, с дистанции метров 20–30. Потом подошел, поговорил и решил, что я идеальный кандидат. Однако я не горел желаниями работать в кино. Я тогда работал корреспондентом журнала “Штерн” в Москве и должен был писать об СССР, а не сниматься, да еще и в Ленинграде. Однако люди с “Мосфильмом” долго уговаривали меня, я спросил разрешения у своей редакции, сказав, что съемки будут происходить только по выходным, хотя мы, конечно, снимали и в будни. Однако позже “Штерн” гордился мной: его корреспондент стал первым иностранцем-“западником”, снявшимся в советском кино! Журнал опубликовал мой репортаж о съемках.

Участие в фильме также позитивно сказалось и на развитии моих связей и контактов в СССР, упростило доступ к членам партии и правительству.

100 ДАТСКИЙ ПРОФЕССОР

Норберт Кухинке:
“С водкой праздничное состояние создается за 10–15 минут”

ва. Для того чтобы пробиться в МИД, мне стоило лишь позвонить секретаршу, которая за автограф организовывала встречи.

— Сложно было преодолеть бюрократические барьеры, связанные с вашим трудоустройством в качестве актера?

— Данелия должен был получить всевозможные разрешения для того, что в фильме играл человек с Запада, вплоть от ЦК. Позже, кстати, власти ГДР жаловались в Госкино: почему, дескать, на роль взяли “представителя социально чуждого Запада”, а не актера из братской ГДР? На эти упреки Данелия отвечал, что не мыслил в подобных идеологических категориях. Тем не менее реакция восточнонемецких властей не прошла бесследно. Для разрядки “обострившейся международной обстановки” моему персонажу, который изначально должен был быть немцем, пришлось превратиться в датчанина.

— Зачем?

— С немцем было все куда сложнее. Пришлось бы уточнять его происхождение. Откуда он, из Восточной или же из Западной Германии. А так фильм показали как в ГДР, так и в ФРГ.

— Как вы разыграли свою роль?

— Текст выучивал наизусть, делались пробные дубли.

— В фильме ваш герой делает элементарнейшие грамматические ошибки. Так было задумано?

— Да, для придания речи особого колорита. Во время съемок никто из нас мог и предположить, что “Осени марафон” станет одной из наиболее известных и культовых в СССР картин.

— Вы как-то заметили, что ваша кинона зарплата составляла 120 рублей за съемочный день и что все эти деньги вы просиживали в ресторанах...

— Да, во время съемок в Ленинграде мы всей актерской группой примерно через день ходили в один ресторан в районе Невского. Его название я уже не помню. Зато помню, что частенько я перепивал ваших соотечественников. Я был молод, здоров, не то что сегодня. Поэтому мы с вами и пьем чай. А ведь раньше я в таких количествах водку пил!

— А случалось ли с вами, что водка оказывала на вас такое же влияние, как на вашего киношного героя?

— Почему, на ваш взгляд, на Западе водка не столь любима, как в России?

— Думаю, это связано с климатическими условиями. Зимы в России долгие и холодные, плюс традиции...

— А с пивом ее мешать не пробовали?

— К сожалению, пиво я на дух не перевариваю, хотя это абсолютно и нетипично для немца. А теперь вообще перешел на чай.

— Тем не менее и с чаем мы с вами хорошо сидим!

— Сейчас это выражение очень распространено и широко употребляемо в русском языке. Мне говорили, что до “Осени марафона” его вообще не существовало. Может, “хорошо сидим” говорили и раньше, но то, что наш фильм кардинально популяризовал его и сделал обиходным, — это уж точно!

— Трудно ли играть пьяного в кино?

— Думаю, что изобразить это может практически каждый. Единственно, что пьяного не может играть пьяный. Перед камерой следует пить воду.

— Значит, вы все время пили воду?

— Нет, в сцене на кухне с Леоновым мы приняли на грудь по стопке “Русской”. Но лишь по одной.

— Где вы учили русский язык?

— Начальные знания я получил в родном селе в Силезии. После войны немцев оттуда выселили, оставив для принудительных работ лишь горняков, в том числе и нашу семью. Там я прожил до 1957 года и учился в русской школе. Кроме того, наша деревня была населена так называемыми репатриантами-поляками из Украины, Белоруссии и России. Так, сам того не зная, я прошел языковую школу, которую дает не каждый университет. Когда же приехал на работу в Москву, то первым делом серьезно занялся усовершенствованием своего русского. Несмотря на то что моя тогдашняя секретарша, германист по образованию, пыталась говорить со мной по-немецки, я ей твердо заявил, что общаться мы будем по-русски.

Леонов — Кухинке:
“Грибные леса — они везде есть”

— Практически всем зрителям “Осени марафона” вы запомнились прической а-ля хиппи, явно не типичной для представителя западного СМИ.

— Это был мой стиль. Видите, у меня и сейчас та же прическа, волос только меньше стало.

— И вы никогда не хипповали?

— Боже сохрани. Я всегда исповедовал католические убеждения.

— А конфликты в России из-за длинных волос не возникали? В 70-е у нас не любили “олосатиков”...

— Нет, конфликтов не было. Хотя я чувствовал, что у многих моя прическа вызывает интерес. Но я же не стараюсь выделяться, а просто остаюсь самим собой. Я с одинаковым уважением обращаюсь как с министром, так и с дворником. Кроме того, я всегда выступал за сближение русских и немцев, за преодоление нашей не совсем простой истории. Мне даже в “Шпигеле” ставили на вид, что я очень доброжелательно пишу об СССР.

— У вас дома есть “Осени марафон”?

— Да, на видеокассете. А недавно мне Данелия подарил его еще и на DVD.

— Вы часто его пересматриваете?

— Специально нет. Но нередко, находясь в Москве, натыкаюсь на него по телевизору. Иногда фильм чуть ли не одновременно показывают по двум каналам.

— Известно, что поклонником “Осени марафона” является Президент России Путин.

— Да, в прошлом году РИА “Новости” организовал “Дискуссионный клуб” с Путиным на его даче. Мое место оказалось как раз напротив Президента России. Тогда Владимир Владимирович заметил, что “Осени марафон” — его любимая картина, и он смотрит ее как минимум раз в год. Но это я ему ответил, что, оказывается, он знает меня намного больше, чем я его.

— Известно, что в советские времена все иностранцы, и в особенности журналисты, находились в России под присмотром спецслужб. Вы чувствовали, что за вами следят?

— Я знал об этом. Но в России я вел себя так же, как бы вел себя и в Германии. У меня не было каких-либо тайн; по телефону я не вел предосудительных разговоров. Я также не обращал внимания на то, следят ли за мной на улице.

— Вы ходите в Германии в русские магазины?

— Да, там мы покупаем пельмени. Мы также едим гречневую кашу, но сейчас ее можно приобрести практически в каждом берлинском магазине. В районе Курфорстендамма моя жена покупает помидоры из Грузии и Средней Азии, которые на вкус много лучше голландских. Мы часто бываем в Москве и постоянно привозим оттуда российские продукты. К примеру, шоколад. Или же русскую водку.

— Вы, кажется, коллекционируете русские иконы?

— Их я уже не собираю много лет. Я сейчас коллекционирую современное русское искусство. Смотрите, вот картина Леонида Пуригина (Норберт указывает на стену). Его дочь Евдокия — крестница моей жены. После смерти обоих родителей девочки умерла. Недавно Евдокия исполнилось 20. Она очень хорошо адаптировалась в Германии, быстро овладела языком, буквально за полгода, и вскоре писала немецкие диктанты лучше немцев. К сожалению, по-немецки она говорит намного лучше, чем по-русски.

— Когда в начале 70-х вы отправлялись на работу в Россию, как восприняла это ваша жена?

— Она не возражала против поездки в СССР, понимая, что эта работа открывает передо мной новые возможности. А фильм мой супруге понравился. Мы вместе посетили его премьеру в Московском доме кино. Тогда многие за эту работу — и Наталья Гундарева, и Марина Неелова — получили Государственный премию. Позже кто-то из моих друзей поинтересовался в Госкино: “А почему Кухинке премию не дали?” Последовал строгий ответ: “Иностранцам не положено”...

Александр ПАВЛОВ,
собкор “МК” в Германии.

Норберт Кухинке коллекционирует русскую живопись.
АЛЕКСАНДР ПАВЛОВ